

А. И. Попович

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия. alexeyurpovich@mail.ru

МУЧИТЕЛЬСТВО, ТИРАНИЯ И МИЛОСЕРДИЕ В СОЧИНЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ СТРЕЛЕЦКОГО ВОССТАНИЯ 1682 г.

В статье исследуется функционирование понятий «мучительство» и «тирания» и связанных с ними идей в политической культуре России XVII в. Автор анализирует ряд исторических сочинений, среди которых «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева и «Записки», приписываемые Андрею Матвееву, а также документы, посвященные событиям Стрелецкого восстания 1682 г. Формулируемые в этих памятниках идеи царского милосердия, тирании со стороны стрельцов, бесчестья Московского государства и др. рассматриваются в контексте информационного обмена России и Запада и возросшей популярности исторических сочинений, посвященных правлению царя Ивана IV. Делается вывод об осознаваемой государственной властью необходимости сопротивления конструируемому в общественном мнении тираническому дискурсу.

Ключевые слова: мучительство, тирания, политическая культура России раннего Нового времени, Стрелецкое восстание 1682 г., Сильвестр Медведев, Андрей Матвеев, Сборник Курбского

Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (программа «Мой первый грант»).

Мучители и мученики

Осуждение царя-мучителя последовательно декларировалось в самых разных памятниках публицистики и играло важную роль в политической культуре России раннего Нового времени. Представления о немилосердном царе, чьи несправедливые деяния вредят обществу и государству, неразрывно связаны в это время с концепцией «пределов власти» и наличием определенных (пусть и положенных вне земной жизни) инструментов для влияния на склонного к тирании правителя (см.: [Вальденберг, 1916, с. 366–370; Rowland, p. 82–114, 328–341]).

Принципы богоугодного правления напрямую формировались через идеи о царе и царстве, признаваемые самими представителями власти и заимствованные из Византии. Так, практически в самом начале своей речи митрополит Макарий в чине венчания на царство Ивана IV Васильевича призывал его к праведному суду: «И всѣтъ Господь въ сердци твоємъ страхъ Свой и еже къ послушнымъ милостивное, и съблюдетъ тя Господь въ непорочней вѣрѣ и покажетъ ты опасна хранителя Святыя своя съборныя Церкви велѣнамъ, да судиши люди правдою и нищихъ судомъ, да възсияетъ въ дняхъ твоихъ правда и множество мира ...»¹. Именно от такого индикатора праведности власти, как личные качества правителя, в трактовке чина присяги зависела его посмертная судьба и будущее царства, находящиеся едва ли не исключительно в руках Господа.

Подобные механизмы (в самых разных формах их фиксации) существовали в политических культурах всех христианских государств, для которых они были также античным наследством. Идеи правления по «закону и правде» активно распространялись в древнерусской книжности и до венчания Ивана IV. Так, Федор Карпов в послании митрополиту Даниилу (до 1539 г.), ссылаясь на «Этику к Никомаху» Аристотеля, писал о том, что власть, держащаяся правды без милости, является не чем иным, как мучительством: «Ради милости бо предстатель и князь от подвластныхъ велми любитя, а истинны ради боится. Милость бо безъ справды малодушество есть, а правда безъ милости мучительство есть, и сиа два разрушаютъ царство и всяко градо-

¹ Барсов Е. В. Древнерусские памятники венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. М., 1883. С. 50.

сожительство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укращаема сохраняют царя царство въ многодѣнствѣ»². Этот текст был подробно исследован и охарактеризован как гуманистический [Freydank; Клибанов, с. 207–218], однако, помимо европейских и античных источников, его содержание определялось и собственно русскими реалиями.

Отступничество от веры (закона Божьего), неправедность государя воспринимаются как мучительство Иосифом Волоцким в седьмом Слове «Просветителя»: «Аще ли же есть царь, над челоѡки царьствуя, над собоюже имать царьствующа – скверныа страсти и грѣхи, сребролюбие же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйшиже всѣх невѣрие и хулу, таковый царь не Божий слуга, но диаволь, и не царь, но мучитель ... И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертию прѣтить. Сему свѣдѣтельствууютъ пророци и апостоли и вси мученици, иже от нечестивыхъ царей убиени быша и повелѣнию ихъ не покорися»³. А наиболее яркое изображение всего спектра последствий правления царя-мучителя принадлежит Андрею Курбскому, в подробностях воссоздавшему его в широком круге сочинений: от переписки с царем Иваном IV и «Истории о делах великого князя московского» до предисловий к переводным сборникам [Калугин, с. 183–192].

Слово «мучитель» использовалось для перевода древнегреческого «*τύραννος*», таким образом «мучительство» обозначало тиранию [Вальденберг, 1929; Goldfrank; Каравашкин, с. 63–64]. В раннее Новое время эти слова употреблялись как синонимы, что зафиксировано, например, в переводческой практике. В «Лексиконе латинском» (1640-е гг.) Епифания Славинецкого представлено целое словообразовательное гнездо: «*Tyrannus*, мучител, томител; *tyrannis*, мучительство, лютое обладание; *tyrannice*, люто; *tyrannocionus*, *tyrannicida*, мучитель-убийца; *tyrannicidium*, мучительубийство»⁴. Именно эта стратегия перевода закрепились в политическом языке XVIII в.⁵

Рядом с сочинениями Курбского в составе некоторых так называемых Сборников Курбского рубежа XVII–XVIII вв. помещался русский перевод переработки части хроники «Описание европейской Сарматии» (1578 г., лат. *Sarmatiae Europaeae Descriptio*) польского историка итальянского происхождения Александра Гваньини, озаглавленной: «О обычаях царя и великого князя Иоанна Васильевича»⁶. Хроника Гваньини переводилась с середины XVII в. (судя по сохранившимся рукописным сборникам), однако самостоятельный интерес к части хроники, посвященной Ивану IV, у русских читателей появился позднее.

Не преследуя цели сопоставления взглядов двух современников на тиранию Ивана Грозного, можно обратить внимание на свойственное обоим сравнение царя с древними мучителями, тиранами: «Сей же царь Иоаннъ Васильевичъ, о немъже глаголахомъ и глаголати будемъ, истинно свое мучительство под видом правды паче мѣры тако распространи, яко не токмо прежнихъ своихъ, во оныхъ странах по обыкновеннымъ нравомъ своимъ тако творящихъ, но и всѣхъ оныхъ мучителей, иже прежде Рождества, и по Рождествѣ Христовѣ бяху, Нерона, Валлериана, Дионисия, Декия, Максентиа, Иулиана и прочихъ сихъ всѣхъ и иныхъ многихъ сей мучитель превзыде мучительствомъ, зане тии, аще мучительство свое неповиннымъ людемъ и часто издавали, обаче

² Сочинения Федора Ивановича Карпова / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. СПб., 2006. Т. 9. С. 354.

³ *Иосиф Волоцкий*. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. 3-е изд. Казань, 1896. С. 287–288.

⁴ Лексикон латинський Є. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підгот. до вид. В. В. Німчук; відп. ред. К. К. Цілуйко. Київ, 1973. С. 406. Несмотря на упоминание лексем, обозначающих крайнюю меру борьбы с тираном – его убийство, не следует некритически проецировать эту терминологию на русскую политическую культуру, особенно по отношению к государю.

⁵ Многочисленные контексты собраны на сайте проекта «Корпус русских переводов общественно-политических сочинений XVIII века» (URL: <https://krp.dhi-moskau.org/ru/term/tyrannie> (дата обращения: 15.02.2024)).

⁶ Обзор рукописной традиции хроники см.: [Николаев, с. 50–54].

не тако тяжко и неподъятно»⁷. Весь последующий текст трактата «О обычаях...» посвящен перечислению злодеяний царя и мучений разных лиц, что сближало его с сочинениями Курбского и составляло единый антитиранический свертхтекст.

Оценки Гваньини русского царя как мучителя и описания жестокости, проявленной московитами в ходе войны, имели много общего с европейскими пропагандистскими сочинениями периода Балтийских войн второй половины XVI в.: казнимые ливонские, польские и литовские пленные изображались авторами как христианские мученики [Филюшкин, с. 468–473]. Тем любопытнее, что эти идеи оказывались в поле зрения, а сами сочинения Гваньини со всей их идеологической фактурностью входили в круг чтения ряда российских интеллектуалов. К. Ю. Ерусалимский предполагает, что включение этого перевода в протограф Сборника Курбского четвертого извода между 1684 и 1690 гг. было связано с работой книгописной мастерской В. В. Голицына и составлением А. И. Лызловым «Скифской истории» [Ерусалимский, с. 134–135, 734].

Наличие другой версии перевода трактата «О обычаях...» в одном из исторических сборников конца XVII в.⁸ свидетельствует о том, что интерес к этому тексту не был напрямую связан с чтением Курбского. В том же сборнике помещено уникальное сочинение, посвященное митрополиту Филиппу и содержащее негативные оценки Ивана IV (см.: [Лобакова, 2004]). Самые ранние сборники Курбского, включающие перевод «О обычаях...» Гваньини, датируются первой половиной XVIII в. Сопоставление оригинального латинского текста хроники Гваньини⁹ с русскими переводами XVII в. демонстрирует, что слово «мучительство» (с его производными и однокоренными словами) использовалось непосредственно для перевода понятия «тирания» и его производных. Немалую роль, вероятно, сыграло и посредничество польского языка, с которого Гваньини также переводили в XVII в.

Перевод Гваньини вместе с «Историей» Курбского стали частью неофициальной отечественной историографии XVII в. об эпохе Ивана IV и отразили ряд траекторий политической культуры своего времени. При этом если сочинение Гваньини было сосредоточено на социально-политической составляющей мучительства (в оценках страданий московитов от рук своего царя), то в произведениях Курбского делается акцент на религиозном пафосе претерпеваемых мучений. Опальный князь пользуется понятием «мученик»¹⁰ наряду со словом «мучитель», расширяя сферу его использования в стремлении обосновать линию преследования подданных «за веру» (см. об этом: [Попович, с. 482]). В частности, Курбскому принадлежит концепция «двух Иванов», действующих, с одной стороны, под влиянием «добрых», а с другой стороны – «злых» советников. Им же был создан образ царя Ивана IV как «внутреннего дракона», из-за которого появились новомученики.

Неудивительно, что жанровые традиции мартиролога оказались особенно востребованы в антитиранических и «оппозиционных» сочинениях. По сути, Курбский создал антиидеал для любого последующего правителя – картину мучительского царства, в котором царь со своими приспешниками мучит целый народ: «Мучити повелѣл оных, ни единого, ни дву, но народ цѣл. Их же имян, тѣх неповинных, яже в тѣх муках помроша, множества ради исписати

---

⁷ ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 779. Л. 137 об.–138. См. описание сборника: [Ерусалимский, с. 619–623].

⁸ НИОР БАН. Архангельское собрание. С 138. Л. 410–425. См. описание сборника: [Описание, с. 249–252].

⁹ Издание и перевод «Описания Московии» Гваньини на современный русский язык: *Гваньини А. Описание Московии* / Пер. с лат., вв. ст. и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997.

¹⁰ Однокоренное в славянской традиции со словом «мучитель» слово «мученик» было переводом древнегреческого «μάρτυς» или латинского «martyr» («свидетель»). Цари-мучители действительно были виновны в появлении мучеников, однако в славянской переводческой традиции изначально произошло схождение слов с разными значениями, что не могло не отразиться на бытовании этих слов и их производных, по сути, во взаимодополнении семантики.

невозможно»¹¹. Иван Грозный посчитал необходимым ответить на все обвинения, объяснив суровые казни необходимостью борьбы с изменниками, заявив о невозможности появления мучеников в православном государстве и назвав милосердие недопустимым проявлением слабости государя. Вторили государю или пытались объяснить его поступки некоторые читатели более позднего времени [Попович, с. 493–494; Лобакова, 2022].

Царь и вельможи-«неправдотворцы»

Негативная характеристика правления Ивана IV стала общим местом большинства последующих европейских сочинений. Практически сразу же после публикации оригинала, в 1692 г., появился русский перевод нюрнбергской исторической компиляции 1687 г. «Краткое и новейшее описание» о Московии¹² (см.: [Богданов, 2021, с. 85]), впоследствии попавший в конвой одного из Сборников Курбского¹³ наряду с сочинениями Гваньини.

В главе «Краткого и новейшего описания», посвященной «началу царства царя Иоанна Василиевича», дается следующая характеристика государя, опирающаяся на трактат Гваньини: «Бысть дивнѣйший и притомъ жесточайший государь из всѣхъ тѣхъ, на нихъже солнце сияло. И пришел в тиранствѣ, или мучителствѣ своем, толь далеко, что всѣхъ прочиихъ древнихъ тирановъ, Нероновы, Калигулины, и иныхъ дѣла пред него дѣлы за дѣтскую игру почтены»¹⁴. Кровопролития Ивана Грозного здесь были помещены среди других известий о России, в том числе недавних (конца XVII в.).

А. П. Богданов справедливо отводит этому сочинению важную роль в информационном обмене между Россией и Западом. Безусловно, российское государство (прежде всего в лице самих правителей) все больше обращало внимание на восприятие себя в Европе – обмен информацией был значимой составляющей внешней политики. По распоряжению царя петровская дипломатия добилась запрета и уничтожения тиража путевого отчета 1698–1699 гг. И. Г. Корба, изданного в Вене в 1700 г., описывавшего в подробностях казни стрельцов и цитировавшего «Краткое и новейшее описание» [Богданов, 2021, с. 86]. Однако обличительные реплики, в том числе по поводу жестокости, проявленной при стрелецкой казни 1698 г., раздавались и внутри страны (см.: [Лавров]). Неудивительно, что внимание власти к внутриполитическим дискуссиям оставалось высоким.

Одним из ключевых событий конца XVII в., нашедших свое отражение в многочисленных памятниках публицистики, стало Стрелецкое восстание 1682 г. в Москве. Наиболее подробную информацию об этих событиях содержат два одновременных сочинения очевидцев: «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве», созданное талантливым книжником Сильвестром Медведевым в течение нескольких лет после восстания, и «Описание с совершенным испытанием и подлинным известием о смутном времени, приключившемся от возмущения бывших московских стрельцов и к тому воровскому бунту от возмутителей сообщников их, в прошлом 7190 году, то есть лета Господня 1682, месяца мая в 15 день» (далее – «Записки»), приписываемое графу А. А. Матвееву и созданное, возможно, И. Л. Поборским¹⁵ после 1716 г. [Погодин, с. 7].

Сильвестр Медведев создал насыщенное документами историческое полотно (см.: [Богданов, 1987]). Говоря о том, что побудило его написать «Созерцание краткое», автор сетует на отсутствие подобного повествования, а вследствие этого и многочисленные разногласия

¹¹ Курбский А. М. История о делах великого князя московского / Подгот. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015. С. 136.

¹² НИОР БАН. 17.4.15. Л. 170–208.

¹³ ОР РГБ. Ф. 194 (Собрание К. И. Невоструева). № 48. См. описание сборника: [Ерусалимский, с. 595–597].

¹⁴ НИОР БАН. 17.4.15. Л. 180 об.

¹⁵ Аргументы в пользу авторства Поборского см.: [Алексеев].

между современниками: «Ибо мнози о тѣхъ дѣлахъ глаголють и соперство между себе творять, обаче инии отнюдь истинствовати (въ маломъ времени отсутствующе) не могутъ, понеже не писано»¹⁶. Корень разорения государства Сильвестр видит в отдельных «начальниках», составляющих царский «сигклитик», заботящихся о своей корысти, а не о «добромъ дѣле всего государства»: «... и изъ того дѣла корысти не бываютъ, но еще болши вина бываетъ къ разорению государствамъ. Егда убо царский сигклитикъ между собою о селахъ и о достоинствахъ какихъ или о корыстяхъ бранятся, тогда за таковою ихъ нелюбовию и междособиемъ государство отъ смуты невольно есть, а за смутю погибель государству послѣдуетъ»¹⁷. Причины гибели государства сформулированы в противопоставлении идеальной модели государственного строительства, базирующейся на согласии и «любви» (традиционно важная для политического языка христианских государств категория), тогда как смута и разорение страны происходят от личных качеств «начальников».

Непосредственные причины восстания Сильвестр видит в том, что царь Федор Алексеевич, «аще не бы его болѣзнь постигла, народное бѣдство всячески бы возмоглъ успокоити, уже бо въ царствующемъ градѣ гнѣвъ Божий от налоговъ начальныхъ и неправедныхъ судовъ возгаратися нача, и мысли у людей такожде начаша развращатися»¹⁸. После челобитной царю зимой 1682 г. полка Богдана Пыжова о вычете им (Пыжовым) половины государева жалования, Федор Алексеевич, не разобравшись (объяснение самого Медведева), поддался «бѣдственному совѣту» боярина Иоанна Языкова и «велѣлъ о томъ розыскъ учинить неправедной, и учинить челобитчикомъ, лутчимъ людемъ, жестокое наказание»¹⁹. Называя розыск, учиненный большим государем, «неправедным», Сильвестр в начале событий изображает стрельцов «невинными» и сообщает о «большом страхе», нашедшем на них.

В другой челобитной, поданной стрельцами 23 апреля, говорилось о злоупотреблениях полковника Семена Грибоедова, «о нужномъ неправедномъ порабощении ихъ отъ него и немилостивомъ въ наказании мучении»²⁰. Помня о первой реакции стрельцов, Языков на этот раз намеревался сделать так, чтобы «до конечного возмущения народа не допустить»²¹, в результате чего Грибоедов был посажен в тюрьму, однако был выпущен через день, что только усилило опасения стрельцов о возможном наказании. Сильвестр продолжает аргументировать свою точку зрения на восстание как результат Божьего гнева, обрушившегося на царствующий град из-за грехов начальников, объяснив высшим промыслом и смерть царя: «Въ то же время (Богу тако хотящу) великий государь царь великий князь Феодор Алексѣевичъ конечно изнеможе»²².

Как и другие русские книжники, автор затрагивает понятие немилостивого наказания, трактованного в общественном сознании как мучение. Жалобы простых людей на терпение насилия от наделенных государственной властью вельмож были стандартным элементом коллективных челобитных. Русские подданные пользовались этим механизмом апелляции к царскому милосердию более-менее регулярно, поддерживая тем самым основы самодержавной власти [Коллманн, с. 316–321]. На мучительские обстоятельства челобитчики неоднократно жаловались царю Алексею Михайловичу, а кульминацией распространения слухов в конце 1640-х гг. о том, что подлинными мучителями народа являются «злые» бояре, стало восстание 2 июня 1648 г. Его событиям посвящено новейшее исследование Д. А. Ляпина, пересмотревшего роль

---

¹⁶ Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / С предисл. и примеч. А. Прозоровского. М., 1894. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 41.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Там же.

²² Там же.

так называемой «Челобитной “мира”» (10 июня 1648 г.), сохранившейся, к сожалению, только в пересказах шведских агентов [Ляпин, с. 87–100].

Челобитчики использовали общие места, характерные для подобных текстов и эмоционально передающие собственные страдания от несправедливых мучителей: «... твоему царскому величеству со многими кровавыми слезами челом бьем, что твои властолюбивые нарушители крестного целования, простого народа мучители и кровопийцы и наши губители, всей страны властвующие, нас всеми способами мучат, насилья и неправды чинят»²³. Д. А. Ляпин недостаточно обоснованно видит в тексте отсылки к церковной службе на начало Успенского поста, посвященной памяти маккавейских мучеников [Ляпин, с. 90–91], однако справедливо подвергает сомнению традиционную трактовку челобитной как просьбы о созыве Собора, обращая внимание на образ царского меча, отражающий представления о самодержавии как залоге благополучия народа. Оппозиция «народ – царские приближенные» подается авторами челобитной как выбор между добром и злом: «... и тебе меч злым на казнь, а добрым на милость был вручен... А так как ныне, вследствие того что твое царское величество столь долготерпелив, злые люди, которые твоему царскому величеству нимало не радеют, таким образом получают перевес, (то) они из твоих царских должностей и служб всякую себе частную пользу и богатства добывают, несмотря на то, что весь народ через них в разорение приходит»²⁴.

Помимо всего прочего, челобитчики напрямую напоминают царю о том, что на него обрушится Божий гнев, если он не последует их просьбам, рисуя картину благоволения Господа, включая земное изобилие, в случае проявления милосердия: «... и тогда верно Бог Всемогущий нас пощадит и казнь отвратит, и тем твоего царского величества царство и управление шириться будут и на вечныя времена (будут) продлены, и станет изобилие плодов земных во благовремени»²⁵. Несмотря на присутствие в тексте подобных намеков и достаточно критическую ситуацию, сложившуюся на тот момент (см.: [Kivelson, p. 745–748]), власть царя для челобитчиков была священной, чего нельзя было сказать о власти придворных, полученной от царя, а не от Бога. Свою роль в исправлении государства челобитчики видели в сообщении царю о несправедливых действиях вельмож в расчете на его мудрость и милосердие (ср.: [Ingerflom]).

Обвинения вельмож в несправедливых делах характерны и для восставших стрельцов. Сильвестр Медведев со ссылками на документы и устные высказывания передает объяснения стрельцами учиненного ими кровопролития: «Глаголаху же служивыя они народомъ, яко идуть они выводити измѣнниковъ, и неправдотворцевъ, и губителей царского рода»²⁶. После провозглашения царями Ивана и Петра стрельцы подали челобитную, «глупости и неразумия полную: будто они боярь побили за домъ Пресвятыя Богородицы, а за многия оныхъ побиенныхъ причины; и чтобъ на знакъ того побиения поставити бы на Красной площади у Лобного мѣста каменной столбъ и на столбе побиенныхъ вины и ихъ стрелцовъ радѣние будущимъ родомъ въ память написати»²⁷. Это требование символического признания невиновности стало первой страницей московского «столпотворения» конца XVII в. (см.: [Лаврентьев, с. 182–188]).

Цари Иван и Петр были вынуждены согласиться на эти условия. В приведенной Сильвестром царской грамоте, удовлетворявшей челобитной стрельцов начала июня 1682 г.²⁸, запрещалось называть стрельцов изменниками и, наоборот, подтверждалась их готовность пролить кровь за государей и церковь: «Никто никакими поносными словами и бунтовщиками,

²³ Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов / Сост. и авт. ввводн. ст. и примеч. К. В. Базилевич. М.; Л., 1936. С. 46.

²⁴ Там же. С. 48.

²⁵ Там же. С. 50.

²⁶ Там же. С. 52.

²⁷ Там же. С. 67.

²⁸ Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1976. С. 36–39.

и изменниками не называли... потому что они служатъ искони бѣ намъ, великимъ государемъ, со всякою вѣрностью и безъ всякой измены... и складываютъ свои головы на нашихъ государскихъ службахъ за домъ Пресвятыя Богородицы, и за насъ, великихъ государей, и за всю православную христианскую вѣру, и крови свои они проливаютъ, и противъ нашихъ государскихъ неприятелей бьются, не щедя головъ своихъ»²⁹.

Измена государям и кровопролития, таким образом, по требованию стрельцов были официально названы защитой государей, осененной сражениями за христианскую веру и отечество, в соединении со справедливым (за вину) наказанием подлинных изменников и «неправдотворцев». По всей стране была разослана царская жалованная грамота, а столп с табличками, разъясняющими, за какие вины были убиты государственные мужи, несколько месяцев простоял на Красной площади.

Стрельцы-тираны

В числе убитых бояр был Артамон Матвеев, только что возвращенный из ссылки. Его 16-летний сын Андрей едва не погиб: ему удалось спастись, скрываясь от преследования вместе с Нарышкиными. «Записки» интересны не столько своими подробностями (они достаточно тенденциозны, например, по отношению к царевне Софье Алексеевне), сколько своим языком, отражающим систему европейских воззрений, о которых лучше всего свидетельствует библиотека Матвеева, куда И. Л. Поборский тоже мог иметь допуск [Библиотека А. А. Матвеева].

Как и Медведева, автора «Записок» занимает поиск библейских аллюзий и первопричин: он говорит о том, что ненависть укоренилась в человеке со времен братоубийственного греха Каина и искушения змеем Евы настолько, «что ни божественные, ни естественные законы, ни государственные и всенародные права отнюдь такую вредную и зело пагубную язву испровреци не возмогут чрез бесчисленные уже лет века»³⁰. Стрельцы, по убеждению автора, последовали «самовольным мятежникам и никогда же укротимым в варварском и тиранском государстве Турецком янычар»³¹. Стрелецкий бунт назван в «Записках» «варварским действием», а также «тиранством и лютым обстоятельством»³², приведшим к тому, что «многие верные слуги, изящных и заслуженных фамилий, неповинно страдальческою кончиною венец своего мучения приняли»³³.

Очень похожим было восприятие Степана Разина иностранцами. По отношению к нему также использовалось слово «тиран»³⁴, а в изобразительном ряде немецкой печати казацкий атаман получил черты турка [Казаков, Майер]: в дополнение к выводам исследователей можно предположить, что такая визуальная характеристика могла быть продиктована как культурной близостью русских и европейских представлений о тирании и ее турецких истоках, так и ореолом отступившего от веры мучителя христиан, которым была окружена фигура Разина в официальной публицистике. Автор «Записок» пишет о своеволии стрельцов европеизированным политическим языком: «Сделали себя так самодовольными, властными, как бы некоторую особую в то время составляли свою республику, или речь посполитую, забыв все свое подданство, службы и надлежащую им повинность»³⁵. Нельзя не заметить, что понятие «республика», функционирующее здесь в значении 'государство' (ср.: [Res Publica, с. 311–331]), приобретает отрицательные

---

²⁹ Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве. С. 70.

³⁰ Матвеев А. А. Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи. М., 1997. С. 362.

³¹ Там же. С. 363.

³² Там же. С. 361.

³³ Там же.

³⁴ Иностранцы о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. С. 67–74, 121–124.

³⁵ Матвеев А. А. Описание возмущения московских стрельцов. С. 367.

коннотации и, более того, черты тирании, покусившейся на полученные от Бога права государя: действия стрельцов названы «тиранствами и чуждыми христианства злостями»³⁶.

В качестве исторической параллели автор вспоминает убийство царевича Дмитрия, подразумевая его мученическую кончину: «Памятию точно обновилось нижеследующее, неповинных душ убийством и бесчеловечным тем кровопролитием тиранов оных стрельцов»³⁷. Понятие «тиранство» он предпочитает славянскому варианту «мучительство» и фактически противопоставляет благоденствующему государству и правящим монархам картину квазигосударственной тирании, «республики» жестокосердных стрельцов, прямое отношение к которой, по его мнению, имели царевна Софья Алексеевна, а также боярин Иван Милославский, «бунта воровского сочинитель». Неслучайно обстоятельства выставления вырытого трупа Милославского автор «Записок» сравнивает с судьбой тела английского революционера Кромвеля: «Подобное в Англии пред некоторыми летами случилось злокозненному вору и всего того королевства бунтовщику, именуемому Кромвелю, некогда восставшему люто против законных его государей королей Карла I и II Великобританских»³⁸.

В «Записках» кровопролития стрельцов также получают черты мученической смерти. При описании убийства отца Матвеева, вырванного из-под тела пытавшегося защитить его князя Михаила Черкасского, приведены выразительные детали: «Несть паче той любви, иже положит душу свою за други своя». И те неукротимые и человеческой крови исполненные руки, радостно и сладостно желательные его, боярина Матвеева, ни в чем им неповинного... вырвав, разодрали на нем, помянутом князе, платье, и потом бросили с Красного крыльца на площадь против Благовещенского собора, и с таким своим тиранством варварскими бердыщами все его тело рассекли и разрубили... но вышеименованный страдалец оный яко злато в горниле из бед своих очистися Господеви яко в Авелевой крови, непреложно достиг светлостей Божиих святых»³⁹. Автор обличает стрельцов, осквернивших оружием и кровопролитием церковные алтари: «Во святые алтари бесстыдно входя, Божии престолы и жертвенники убийственными и кровеполными теми руками бессовестно осязали и копьями под святыми жертвенниками шарили, чтоб желаемых сыскать им на умертвие»⁴⁰. Характерно и использование им топики мученических житий: «невинных оных страдальцев бояр кровию»; «обагрением мученической крови скончались»⁴¹; «таким страдальчества своего неповинного мечом... мученически скончал живот свой»⁴² и др.

Закономерно, что «Записки» попали в один из Сборников Курбского середины XVIII в.⁴³ вместе с трактатом Гваньини «О обычаях...», текст которого подвергся определенному смягчению оценок личности царя: в частности, традиционный для Сборников Курбского подзаголовок «Начало мучительства» передан как «Начало жестококонравия»⁴⁴, а пассаж о сравнении Ивана с древними мучителями в этом сборнике отсутствует совсем. Все эти исторические сочинения в глазах читателей объединяло исследование тирании на конкретных и, что было важно, отдаленных во времени примерах.

³⁶ Там же. С. 368.

³⁷ Там же. С. 375.

³⁸ Там же. С. 413.

³⁹ Там же. С. 377–378.

⁴⁰ Там же. С. 378.

⁴¹ Там же. С. 378–379.

⁴² Там же. С. 395.

⁴³ ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1720. Описание сборника см.: [Ерусалимский, с. 689–691].

⁴⁴ Там же. Л. 86.

Наказания невинных и бесчестье Московского государства

Доказанность вины была главным критерием, отличающим несправедливое мучение от справедливого наказания за нарушение закона. Автор «Записок» категоричен в своих оценках, отрицая самую возможность апелляции стрельцов к нормам правосудия, «христианским законам и гражданским правам»: «Здесь жестокими самыми истязав его пытками, без всяких вин и изобличений, принадлежащих к истинному правосудию испытания по всем христианским законам и гражданским правам, безвинно, по одному своему только варварству, самовластию и силе, и по тиранском оном мучении вывели его, господина Нарышкина⁴⁵, из Кремля за Спасские ворота, на Красную площадь»⁴⁶.

Довольно близкие формулировки есть и у Сильвестра Медведева. В сочинении, которое в отдельных частях представляет собой страстный монолог, автор не называет стрельцов тиранами, однако напоминает о верховенстве «правды законной». Медведев эмоционально описывает первый день восстания, осуждая не только убийц, но и сами поводы и обстоятельства убийства, увидев которые однажды, человек в дальнейшем может воспротивиться благочестивому образу жизни: «О, како пойду памятию въ созрѣние онаго дне, бывшаго тогда страшнаго и полного ужаса дѣло? Кого призову въ день той зрѣти бѣды? Кто, въ злодѣянии коемъ лежа, противяся правдѣ законнѣй и христианскому жителству что творяя противно, и целомудритися, преставь отъ зла, восхощетъ благому подражати житию? Прииди и виждь разумно, кто убивается, и отъ кого и за что!»⁴⁷. Отношение Сильвестра к необоснованным человеческим мучениям выразилось и в другом восклицании, завершающем описание ряда убийств, совершенных стрельцами: «Охъ, бѣды! Увы, жалости! Предъ очима отцевыма дѣтей убиваютъ! Предъ очима жъ дѣтей отца страшной и мучительной смерти предати хотятъ! Не болѣзнь ли? Не мука ли?»⁴⁸. Упоминанием никак не оправдываемых смертей детей автор отсылает читателя к евангельскому эпизоду о царе Ироде и вифлеемских младенцах – символе деспотической жертвы.

В сознании современников ответственность за произошедшие события разделяли не только стрельцы: принятием условий стрельцов государи во многом поспособствовали ухудшению имиджа Московского государства за рубежом. 28 октября 1682 г. в челобитной стрельцов полка Леонтия Ермолова была сформулирована просьба об уничтожении столпа на Красной площади: «Пожалуйте нас, виновных холопей ваших, велите, государи, той столп с Красной площади сломати, чтобы от иных государств в вашем великих государей царствующем граде Москве зазору никакова не было»⁴⁹. В записи от 29 октября челобитной в Разрядном приказе приводятся больше поясняющих «засор» подробностей: «И тот де столп поставлен не к похваленью Московского государства, и ту де подпись чтут многих государств иноземцы и всяких чинов люди, и в иных де государствах о том поносно... и тому столпу не быть, чтоб в том от ыных многих государств поношения и бесчестья не было, и их бы государские неприятели о том не порадовались»⁵⁰.

По всей видимости, поставленный памятник воспринимался как свидетельство репрессивности Московского государства, проявившейся в признании оправданными зверских убийств

⁴⁵ Выдача стрельцам И. К. Нарышкина изображается в «Записках» как заместительная жертва, пролитием невинной крови которой, возможно, удастся остановить кровопролития: «Он, готовый во всем чистою совестью к страдальческой и невинной кончине своей, дерзновенно последуя псаломски представил себя: “Яко аз на раны готов, и болезнь моя предо мною есть выну”, нетрепетно, но великодушно и крепко ей с должным повиновением доносил: “Государыня царевна, воистину не бояся на смерть свою иду, токмо усердно желаю, чтоб моею невинною кровию все те бывшие кровопролития до конца прекратилися”» (Матвеев А. А. Описание возмущения московских стрельцов. С. 383).

⁴⁶ Там же. С. 384–385.

⁴⁷ Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С. 51.

⁴⁸ Там же. С. 56.

⁴⁹ Восстание в Москве 1682 г. С. 226. Ср.: Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С. 164.

⁵⁰ Восстание в Москве 1682 г. С. 228.

невинных людей «за государей и церковь». В анонимных «Записках о стрельцком бунте» конца XVII в. сообщается, что на листах на столпе прямо говорилось об исполнении стрельцами государева указа: «Здѣлали стрельцы всѣми приказы у Лобнова мѣста столпъ каменной, и на том столпѣ со всѣ четыре стороны прибили листы большия мѣденые лужоные. А подписали, бутто все то дѣлолося по государеву указу, как бояр рубили и за что»⁵¹. Сложно сказать, оправдались ли опасения за превратное понимание иностранцами обстоятельств установки столпа на Красной площади: рядом иностранцев причины мемориальной активности стрельцов были поняты вполне верно⁵². Гораздо более важным оставалось общественное мнение внутри государства, которое следовало направить в другое русло, изменив отношение к событиям. Следом за уничтожением столпа по русским городам были разосланы царские грамоты об изъятии списков с грамот, данных восставшим в июне 1682 г.: «и те де списки в городех всяких чинов люди чтут, и от того в народе чинитца сумнение»⁵³.

Изменение государственной политики по отношению к стрельцам было обозначено казнью Ивана Хованского и его сына Андрея. Среди обвинений, выставленных государями Хованским, были своеволие, ослушание царских указов, «московскому государству поношение ... и убыток и отъ стороннихъ народовъ укоризна»⁵⁴. Сильвестр Медведев также сообщает, что «князь Иванъ Хованской, съ единомышленники своими ... не престаая, искахъ подобнаго времени, како бы ему въ росийскомъ государствѣ сотворити народное смущение, и многимъ христьянскимъ неповиннымъ душамъ погубление, и быти бы ему въ московскомъ царствии самодержцемъ»⁵⁵. Ложность обвинений (особенно тех, что были представлены в извете), на которую указывают исследователи (см.: [Буганов, с. 265–272]), вряд ли была очевидной для современников – посягательство на веру и государство было достаточно сильным аргументом для наказания восставших. Хованским вменялись планы «изведения царского корня» и выбора царем Ивана Хованского, что привело бы также к смене патриарха и возвращению старой веры.

Спор о вере в Грановитой палате 5 июля 1682 г., инициированный старообрядцами при участии И. А. Хованского, не только сыграл важную роль в дальнейшем развитии событий восстания (см.: [Буганов, с. 224–235]), но и был возможностью публичного обсуждения участившего пролития крови (за веру) в Московском государстве. К патриарху Иоакиму в присутствии царевны Софьи были обращены следующие слова старообрядческой челобитной: «Отъ того убо времени и до днѣшняго дне во всей России по градомъ и по всемъ безвинная кровь христьянская проливается, и мнози правовѣрнии различнѣй смерти предаются»⁵⁶. Речь в Грановитой палате шла о церковной власти: к идее царя-мучителя старообрядцы пришли не сразу [Лукин, с. 170–252], однако и эти речи были способны вызвать новое восстание.

На отсутствие розыска при определении виновности казненных Хованских указал младший Иван, пытаясь обратить народное внимание на несправедность царских приказов: «... прибежавъ къ Москвѣ, хотя отца своего, князь-Иваново, и брата своего, князь Андрѣя, воровство

⁵¹ Записки о стрельцком бунте / Подгот. текста и коммент. О. А. Белобровой // ПЛДР. XVII в. М., 1989. Кн. 2. С. 529.

⁵² Ср.: Дневник зверского избиения Московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна. СПб., 1901. С. 25; Хованщина. Донесения шведских агентов, 1682–1683 гг. / Подгот. текста, пер., примеч. и послесл. Г. М. Казакова, А. С. Лаврова. СПб., 2022. С. 50, 59, 73.

⁵³ Восстание в Москве 1682 г. С. 244.

⁵⁴ Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве. С. 107.

⁵⁵ Там же. С. 96. Ср. сведения извѣтного письма от 2 сентября 1682 г. о планах князей Хованских по «изведению царского корня», а также смене патриарха и возвращении старой веры: «А как то злое дело учинят, послать смучать во все Московское государство по городам и по деревням, чтоб в городах посацкие люди побии воевод и приказных людей, а крестьян научать, чтоб побии бояр своих и холопей боярских. А как государство замутится, и на Москве б выбрали на Московское царство ево, князь Ивана, а патриарха и властей поставить, ково избѣрут народом, которые бы старые книги любили» (Восстание в Москве 1682 г. С. 111).

⁵⁶ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. (Три памятника из первоначальной истории старообрядства). СПб., 1862. С. 106.

и измѣну покрыть, вместивь ложно на смуту многие затѣйные слова, и бутто отецъ ево и братъ кажнены безъ ихъ, великихъ государей, указу и безъ розыску»⁵⁷. Значимость этих заявлений подтверждается тем, что государи посчитали необходимым ответить на них, указав в царской грамоте на врученный им Богом «суд о милости и о казни»: «... онъ, князь Иванъ, и сынъ ево, князь Андрей, за измѣну кажнены, въ то не вступатца никакими дѣлы, потому что измѣна ихъ по розыску и по подлинному свидѣтельству имъ, великимъ государемъ, извѣсна и всѣмъ людемъ явна, и та казнь учинена имъ по ихъ, великихъ государей, указу, и судъ о милости и о казни врученъ отъ Бога имъ, великимъ государемъ, а имъ никому о томъ не токмо говорить и мыслить не надобно, и дѣла имъ до того не достало»⁵⁸.

В официальных грамотах, в том числе вошедших в «Созерцание краткое» Медведева, и в переписке с патриархом Иоакимом решение государей простить других стрельцов трактуется как милосердие, ведущее не к разорению государства (как мучения), а к его процветанию. Идеи московских книжников этой эпохи были как никогда созвучны с западноевропейскими сочинениями (см.: [Лаппо-Данилевский]). Сильвестр Медведев, участвуя наряду с другими книжниками своего времени в создании образов благочестивых государей, считал милосердие проявлением мудрости, отводя особую роль Софье Алексеевне: «И тогда паки благородная царевна София Алексѣевна глагола имъ (стрельцам – А. П.): “Добрѣ есте днесь содѣласте, яко покорно приидосте и спасосте отъ гнѣва Божия и отъ меча люта души ваша. Се же вѣдите, яко царское величество, яко цари благочестивии и человѣколюбивии суть крове нежелателны, гнѣвливи не суть, приятелны мира, диятелны любве, простителны виновныхъ, котории вину приносятъ»⁵⁹.

Иоаким писал государям о преимуществах милосердия, ручаясь в раскаянии стрельцов: «Тѣмъ же мы, ни о чемъ тако пекущися... яко да васъ, помазанныхъ своихъ благочестиемъ, на вселѣннѣй свѣтящихся, и всю вашего величества державу просвѣщающий... рукою крѣпкою и мышцею высокою сохранить отъ всякого зла, яко зѣницу ока, и единомудрствовати въ державѣ крѣпости своя, другъ ко другу, любовию и смирениемъ водитися да устроить»⁶⁰. В ответной царской грамоте патриарху Иоакиму 13 октября 1682 г. государи благодарили Иоакима за его содействие «друголюбию и братолюбию»: «...убо моли Того безприкладную благодать... да от безмернаго щедрот Его неисчерпаемых моря капли друголюбия и братолюбия во всех сущих в державе нашей сердца возкаплет и озябшия душегубительною ненавистию души, вечныя радости виновныя, любве теплотою да согрееть»⁶¹.

***

Обличая мучительства со стороны вельмож-«неправдотворцев», официальной церкви и других институтов, отдельные челобитчики и общественные группы рассчитывали повлиять на государей, напомнить им о принципах милосердия и праведного суда, разделяющего справедливое наказание и мучение. Имея представление о царе-мучителе, подданные (за исключением старообрядцев с конца XVII в.) не смели применять его к государю, более того, в этом не было необходимости – политическая культура России раннего Нового времени сохранила память о неправедных государях-тиранах, в том числе из русской истории.

Фигура царя Ивана IV, жестоко расправлявшегося с изменниками, названными Курбским новомучениками, в XVII – начале XVIII в. имела как своих апологетов, так и противников. На страницах переводных и оригинальных исторических сочинений разворачивались вполне ак-

---

⁵⁷ Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С. 142.

⁵⁸ Там же. С. 150. Ср.: Восстание в Москве 1682 г. С. 95–96, 106.

⁵⁹ Сильвестр Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С. 129.

⁶⁰ Там же. С. 152.

⁶¹ Восстание в Москве 1682 г. С. 202.

туальные политические дискуссии, где периодически использовались понятия мучительства/тирании, к которым в равной степени прибегали все стороны споров. В конце XVII в. эти понятия могли обозначать злоупотребление фактически любой властью: подлинными мучителями-тиранами, в трактовке современников-историографов, становятся восставшие в 1682 г. стрельцы, тогда как их жертвы в концепции автора «Записок» обретают черты политических мучеников.

Восприятие оказавшегося в пучине этих событий Московского государства (как русским обществом, так и иностранными государствами) было подвержено искажениям, борьба с которыми становится важной частью информационного обмена России и Запада и контроля за циркулированием информации внутри страны. В частности, одной из задач Сильвестра Медведева и авторов официальных документов стало объяснение символически насыщенных шагов правительства (от установки каменного столпа на Красной площади и рассылки жалованных грамот о невинности стрельцов до итогов спора о вере и отказа от массовых казней стрельцов). Авторы, таким образом, стремились пресечь саму возможность создания невыгодного для государства информационного повода для обличения мучительства, апеллируя к нему лишь как к противоположной милосердию объяснительной модели.

Литература

- Алексеев А. И. Авторское начало в анонимных историях Петровского времени // Археография и источниковедение Сибири. 2024. Вып. 1 (43). С. 137–148.
- Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728). Каталог / Сост. И. М. Полонская и др. М., 1986. 216 с.
- Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 114–146.
- Богданов А. П. Россия и Запад в информационном обмене конца XVII в. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 5. С. 71–124. DOI 10.25136/2409-868X.2021.5.33057
- Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. 440 с.
- Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. X, 463 с.
- Вальденберг В. Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Л., 1929. Т. 2. С. 214–236.
- Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского: в 2 т. М., 2009. Т. 1. Исследование книжной культуры. 881 с.
- Казаков Г. М., Майер И. «Оттоман Разин»: Разин как турок в немецкой печати 1670–1671 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 95–107.
- Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. 414 с.
- Каравашкин А. В. Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории XI–XVII вв. // Россия XXI. 2006. № 4. С. 62–109.
- Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. 366 с.
- Коллманн Н. Ш. Соединенные чеством: государство и общество в России раннего Нового времени / [Пер. с англ. А. Б. Каменского]. М., 2001. 459 с.
- Лаврентьев А. В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. 254 с.
- Лавров А. С. Летописная заметка о стрельцовой казни 1698 г. // Шестые Лихачевские чтения. Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие». Тезисы докладов. СПб., 2021. С. 59–62.
- Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. М. Ю. Сорокиной; подгот. текста М. Ю. Сорокиной при участии К. Ю. Лаппо-Данилевского. Köln; Weimar; Wien, 2005. XXXII, 462 с.

- Лобакова И. А. Историческая повесть о митрополите Филиппе. Литературные источники и их интерпретация конца XVII в. // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 55. С. 301–312.
- Лобакова И. А. Проявление авторского начала в русской историографии (на примере составителя исторической компиляции первой половины XVIII века) // Два века русской классики. 2022. Т. 4. № 3. С. 132–149. DOI 10.22455/2686-7494-2022-4-3-132-149
- Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. 292 с.
- Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб., 2018. 334 с.
- Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 2008. 247 с.
- Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965. Т. 3. Вып. 2. Исторические сборники XV–XVII вв. 361 с.
- Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М., 1875. IV, 204, 242 с.
- Попович А. И. Рецепция полемики Андрея Курбского с Иваном Грозным в XVII веке // «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках. М., 2022. С. 481–502.
- Филлюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. 845 с.
- Freydank D. Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd. 13. H. 1. S. 98–108.
- Goldfrank D. M. The Deep Origins of Tsar'-Muchitel': A Nagging Problem of Muscovite Political Theory // Russian History. 2005. Vol. 32. № 3–4. P. 341–354.
- Ingerflom C. Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 1 // Quaestio Rossica. 2023. Vol. 11. № 2. P. 677–702. DOI 10.15826/qr.2023.2.812
- Kivelson V. A. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // American Historical Review. 1993. Vol. 98. № 3. P. 733–756. DOI 10.2307/2167548
- Res Publica: русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. М., 2021. 824 с.
- Rowland D. B. God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia. Ithaca, NY, 2020. XXII, 397 p.

References

- Alekseev, A. I. Avtorskoe nachalo v anonimnykh istoriyakh Petrovskogo vremeni [Author in Anonymous Stories of Petrine Era]. In *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. 2024. Issue 1 (43). Pp. 137–148.
- Biblioteka A. A. Matveeva (1666–1728). Katalog [Library of A. A. Matveev (1666–1728). Catalog]. Compiled by I. M. Polonskaya et al. Moscow, 1986. 216 p.
- Bogdanov, A. P. K voprosu ob avtorstve "Sozertsaniya kratkogo let 7190, 91 i 92, v nikh zhe chto sodeyasya vo grazhdanstve" [On the Question of the Authorship of "Short Contemplation of the Years 7190, 91 and 92, in Which What Happened in Society"]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda*. Moscow, 1987. Pp. 114–146.
- Bogdanov, A. P. Rossiya i Zapad v informatsionnom obmene kontsa XVII v. [Russia and the West in the Information Exchange of the Late 17th Century]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2021. No. 5. Pp. 71–124. DOI 10.25136/2409-868X.2021.5.33057
- Buganov, V. I. Moskovskie vosstaniya kontsa XVII v. [Moscow Uprisings at the End of the 17th Century]. Moscow, 1969. 440 p.
- Erusalimskii, K. Yu. Sbornik Kurbskogo: v 2 t. [Collection of Kurbsky: In 2 Vols.]. Moscow, 2009. Vol. 1. Issledovanie knizhnoi kul'tury [Book Culture Research]. 881 p.
- Filyushkin, A. I. Izobretaya pervuyu voinu Rossii i Evropy: baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov [Inventing the First War between Russia and Europe: The Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the Eyes of Contemporaries and Posterity]. Saint Petersburg, 2013. 845 p.
- Freydank, D. Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus. In *Zeitschrift für Slawistik*. 1968. Bd. 13. H. 1. S. 98–108.
- Goldfrank, D. M. The Deep Origins of Tsar'-Muchitel': A Nagging Problem of Muscovite Political Theory. In *Russian History*. 2005. Vol. 32. No. 3–4. Pp. 341–354.

- Ingerflom, C. Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 1. In *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 677–702. DOI 10.15826/qr.2023.2.812
- Kalugin, V. V. Andrei Kurbskii i Ivan Grozny. Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya [Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. Theoretical Views and Literary Technique of the Old Russian Writer]. Moscow, 1998. 414 p.
- Karavashkin, A. V. Vlast' muchitelya. Konventsional'nye modeli tiranii v russkoi istorii XI–XVII vv. [The Power of the Tormentor. Conventional Models of Tyranny in Russian History in the 11th – 17th Centuries]. In *Rossiia XXI*. 2006. No. 4. Pp. 62–109.
- Kazakov, G. M., Maier, I. “Ottoman Razin”: Razin kak turok v nemetskoj pechati 1670–1671 g. [“Ottoman Razin”: Razin as a Turk in the German Press in 1670–1671]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 2 (72). Pp. 95–107.
- Kivelson, V. A. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising. In *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. No. 3. Pp. 733–756. DOI 10.2307/2167548
- Klibanov, A. I. Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi [Spiritual Culture of Medieval Rus]. Moscow, 1996. 366 p.
- Kollmann, N. Sh. Soedinennye chest'yu: gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni [By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia]. [Translated from English by A. B. Kamensky]. Moscow, 2001. 459 p.
- Lappo-Danilevskii, A. S. Istoriya politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kul'tury i politiki [History of Political Ideas in Russia in the 18th Century in Connection with the General Course of Development of Its Culture and Politics]. Preface by M. Yu. Sorokina; text preparation by M. Yu. Sorokina with the assistance of K. Yu. Lappo-Danilevsky. Köln; Weimar; Wien, 2005. XXXII, 462 p.
- Lavrent'ev, A. V. Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoi istorii i kul'tury XVI–XVIII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy [People and Things. Monuments of Russian History and Culture of the 16th – 18th Centuries, Their Creators and Owners]. Moscow, 1997. 254 p.
- Lavrov, A. S. Letopisnaya zametka o streletskoi kazni 1698 g. [Chronicle Note on the Execution of Streltsy in 1698]. In *Shestye Likhachevskie chteniya. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Peterburgskaya tekstologicheskaya shkola: traditsii i razvitie”*. Tezisy dokladov. Saint Petersburg, 2021. Pp. 59–62.
- Lobakova, I. A. Istoricheskaya povest' o mitropolite Filippe. Literaturnye istochniki i ikh interpretatsiya kontsa XVII v. [The Historical Story of Metropolitan Philip. Literary Sources and Their Interpretation of the End of the 17th Century]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2004. Vol. 55. Pp. 301–312.
- Lobakova, I. A. Proyavlenie avtorskogo nachala v russkoi istoriografii (na primere sostavitelya istoricheskoi kompilyatsii pervoi poloviny XVIII veka) [On the Development of the Author's Principle in Russian Historiography (On the Example of the Editor of the Historical Compilation of the First Half of the 18th Century)]. In *Dva veka russkoi klassiki*. 2022. Vol. 4. No. 3. Pp. 132–149. DOI 10.22455/2686-7494-2022-4-3-132-149
- Lukin, P. V. Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka [Popular Ideas about State Power in Russia in the 17th Century]. Moscow, 2000. 292 p.
- Lyapin, D. A. Tsarskii mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII veka [The Tsar's Sword: Socio-Political Struggle in Russia in the Middle of the 17th Century]. Saint Petersburg, 2018. 334 p.
- Nikolaev, S. I. Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy [Polish-Russian Literary Relations of the 16th – 18th Centuries. Bibliographic Materials]. Saint Petersburg, 2008. 247 p.
- Opisanie rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR [Description of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences of the USSR]. Compiled by A. I. Kopanev, M. V. Kukushkina, V. F. Pokrovskaya. Moscow; Leningrad, 1965. Vol. 3. Issue 2. Istoricheskie sborniki XV–XVII vv. [Historical Collections of the 15th – 17th Centuries]. 361 p.
- Pogodin, M. P. Semnadsat' pervykh let v zhizni imperatora Petra Velikogo. 1672–1689 [Seventeen First Years in the Life of Emperor Peter the Great. 1672–1689]. Moscow, 1875. IV, 204, 242 p.
- Popovich, A. I. Retseptsiya polemiki Andrey Kurbskogo s Ivanom Groznym v XVII veke [Reception of Andrey Kurbsky's Polemic with Ivan the Terrible in the 17th Century]. In *“Kul'tura dukkha” vs “Kul'tura razuma”: intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh*. Moscow, 2022. Pp. 481–502.
- Res Publica: russkii respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka [Res Publica: Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the 20th Century]. Moscow, 2021. 824 p.

Rowland, D. B. *God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia*. Ithaca, NY, 2020. XXII, 397 p.

Val'denberg, V. *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti. Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* [Old Russian Teachings about the Limits of Tsar Power. Essays on Russian Political Literature from St. Vladimir to the End of the 17th Century]. Petrograd, 1916. X, 463 p.

Val'denberg, V. *Ponyatie o tiranne v drevnerusskoi literature v sravnenii s zapadnoi* [The Concept of Tyrant in Old Russian Literature in Comparison with Western]. In *Izvestiya po russkomu yazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR*. Leningrad, 1929. Vol. 2. Pp. 214–236.

Alexey I. Popovich

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

TORMENT, TYRANNY AND MERCY IN THE WORKS OF CONTEMPORARIES
OF THE STRELTSY UPRISING OF 1682

The article examines the operation of the concepts of torment (*muchitel'stvo*) and tyranny, and the ideas associated with these concepts in the political culture of 17th-century Russia. The author analyzes historical works (in particular, *Short Contemplation* by Silvester Medvedev and *Notes* usually attributed to Andrey Matveev), and documents dedicated to the events of the Streltsy Uprising of 1682. The ideas of tsar mercy, tyranny on the part of the streltsy, dishonor of the Muscovite State, etc. in these monuments are considered in the context of the information exchange between Russia and the West. Another circumstance was the increased popularity of historical works devoted to the reign of Tsar Ivan IV. Thus, the state power was aware of the need to resist the tyrannical discourse constructed in public opinion.

Keywords: torment, tyranny, political culture of early modern Russia, Streltsy Uprising of 1682, Sylvester Medvedev, Andrey Matveev, Collection of Kurbsky

